

РЕПЕТИЦИИ

Моск. новости - 1998 - 6 дек. - с. 24

«Шарашка» среди империи зла

11 декабря, в день рождения Солженицына, Юрий Любимов показывает в Театре на Таганке свой новый спектакль «Шарашка» по роману «В круге первом».

Премьеру обещал посетить именинник. А пока, в перерыве между репетициями, Юрий Любимов рассказывает корреспонденту «МН» Нине Агишевой: — Первый раз я увидел Александра Исаевича в Театре Вахтангова, со сцены, сквозь дырочку в занавесе, которая существует для помрежей, чтобы те могли наблюдать происходящее в зале. Уже был опубликован «Один день Ивана Денисовича», потрясший читающую публику, и мы, актеры, жадно рассматривали поразительно молодое тогда лицо со знакомым по фотографиям шрамом. Потом друг Солженицына Борис Можаяев привел его в Театр на Таганке на «Живого» — спектакль, находившийся под запретом двадцать один год (думаю, что это рекорд). В другой раз он меня поразил каким-то прямо юношеским порывом, когда неожиданно поднялся ко мне в квартиру на улице Чайковского: резкие звонки, и входит Солженицын — очень энергичный, от него буквально жар идет. Я обалдел, говорю, как рад, предлагаю пройти, но слышу в ответ: «Нет-нет, только пожать вашу честную руку» — и так же стремительно исчез. Спустя годы я к нему приехал таким же ссыльным, как и он, в Вермонт. Кто-то говорил, что он замкнулся, стал отшельником — ничего подобного! Очень радушно принял, мы много говорили.

К восьмидесятилетию Солженицына я твердо решил

ставить его прозу. Думал о «Теленке», но он меня отговорил и предложил «В круге первом», дав карт-бланш. Я сам написал композицию и сам решил сыграть Сталина. С портретами Сталина до сих пор ходят на митинги. А ведь нет семьи, которая бы от него не пострадала, он убил больше наших людей, чем Гитлер. Такое только у нас возможно, как и все безобразие, учиненное нами после падения этого страшного государства. Я согласен с определением: империя зла. Ведь ничего не изменилось: нужно было запретить коммунистическую партию, нельзя было допускать, чтобы нами правила та же номенклатура, от которой шли все беды в прошлом. Эти люди разграбили государство, несколько раз подряд обокрали народ, привели его к полной нищете — и по-прежнему они во власти! Кафкианское государство: нигде больше не стали бы терпеть такое. Как сказал один поручик: «Страна рабов, страна господ», так и осталось. Пока не научится наш несчастный народ выбирать приличных правителей, ничего хорошего не будет.

Александр Исаевич написал публицистическую книгу «Россия в обвале» — и что? Ничего. Полная апатия, о чем Достоевский писал в «Подростке»: «Снизойшло на него равнодушие». Власть презирает народ, народ ни на грош не верит власти, которая для него олицетворяет воронье, жульничество. Почему не слышат Солженицына сейчас? Еще и потому, что общество занято выживанием: как прожить день, как прокормить семью. Какая духовность, если учитель не может прилично одеться и чуть ли не голодает!

Солженицын — такое же русское чудо, как собор Василия Блаженного. Он открыто бросал власти тяжкие обвинения: и в «Архипелаге ГУЛАГ», и в письмах вождям, — и каким-то образом выжил! Как Высоцкий: спел все, что хотел...